

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ГРАФ АЛЕКСЕЙ
АЛЕКСЕЕВИЧ
БОБРИНСКИЙ

Петр Вяземский
Граф Алексей
Алексеевич Бобринский

«Public Domain»

1868

Вяземский П. А.

Граф Алексей Алексеевич Бобринский / П. А. Вяземский —
«Public Domain», 1868

«Прятели графа А. А. Бобринского – а их много – были на-днях неожиданно поражены известием о скоропостижной кончине его, последовавшей в Смеле, поместье, ему принадлежавшем, в Киевской губернии. Электрическая сила телеграфа, так же внезапная и быстрая, как и самая смерть, не дает времени ни приготовиться к удару, ни опомниться...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Петр Вяземский

Граф Алексей Алексеевич Бобринский

I

Приятеля графа А. А. Бобринского – а их много – были на-днях неожиданно поражены известием о скоропостижной кончине его, последовавшей в Смеле, поместье, ему принадлежавшем, в Киевской губернии. Электрическая сила телеграфа, так же внезапная и быстрая, как и самая смерть, не дает времени ни подготовиться к удару, ни опомниться. Разом ошеломит она мысль и сердце; и тут же страшно замолкнет. Сердце ожидало бы и требовало бы дальнейших подробностей и объяснений, конечно, не к утешению своему, но к полному сознанию своей скорби и своего несчастья. Напрасно! Суровый лаконизм телеграфа остается безжалостен.

В кончине Графа мы все понесли сердечную и незабвенную утрату. Он был одна из благороднейших и в высшей степени сочувственных личностей нашего времени. О скорби семейства его и говорить нечего. Он был связью и душою его. Он был не столько старшим и высшим звеном в семейном кругу своем, сколько светлым средоточием, к которому стекались, к которому свободно, дружно и крепко примыкали все живые, все нравственные силы, все чувства, вся любовь этого семейного круга. В сыновнем почтении, в сознательной уступчивости, в нежных заботах, которыми был он окружен, было что-то и дружеское и братское. Он казался старшим братом сыновей своих. Он с ними молодел, они с ним созревали и мужали. Может быть, не без основания некоторые замечают какое-то ослабление семейных уз, которые в старину были туго стянуты. В этом свободном и домашнем равновесии, на которое мы указываем, не должно искать ни обессиления этих уз, ни дела случая. Здесь заключались начала более нравственные и назидательные. Кроме природных сочувствий здесь ясно были видны следы и плоды воспитания. Подобные семейные отношения, разумеется, приносят большую честь детям; но, скажем искренно, приносят еще более чести родителям, которые умели (здесь идет речь *о сердечном умении*) зародить в сердцах детей своих эти отношения, их развить, их, так сказать, застраховать от всех случайностей и превратностей жизни. Нельзя также не согласиться, что ныне часто и во многом замечается, можно сказать, вопиющий разлад между поколениями: они, словно, разбиты на два воинственные стана. И если не всегда доходят до битвы, то над каждым из этих станов развевается враждебное знамя. В виду этой печальной междоусобицы нельзя было нам не остановиться и не отдохнуть мыслью и чувством на картине, которую представляло нам семейство графа Бобринского. Здесь отрадно проявляется примирение между минувшим, еще не отрешившимся от настоящего, и будущим, которое уже созревает в настоящем, но не отворачивается от опытности и от беспристрастных, строгих, но кротких назиданий её.

Нам не достает здесь ни времени, ни положительных данных для составления полного биографического очерка. Ограничимся на сей раз некоторыми беглыми воспоминаниями и впечатлениями, глубоко запавшими в сердце наше от долголетней приязни.

Впрочем, и сама жизнь графа Бобринского, может быть, не обильна событиями. Может быть, нет в ней достаточно тех драматических движений, которые нужны для разнообразия и занимательности биографического изображения. Обстоятельства были вообще благоприятны ему, но не выдвинули они его на особенную ступень, на высоту, которая могла бы господствовать над окрестностью.

Он был светлое, стройное изваяние, которым любовались ближние и достойные ценители изящного; оно имело свое определенное место в уважении общества; но судьба не подвела под это изваяние высокого пьедестала. При всех общественных преимуществах, дарованных ему рождением, можно сказать, что он положением своим был обязан наиболее себе самому, а не

внешней обстановке. Всеми помышлениями и внутренними силами своими принадлежал он обществу; болел и, по возможности, радел о пользе общественной; принимал живое, теплое, даже пламенное, участие в общественных вопросах, стоящих на очереди; но он не имел случая руководить ими, окончательно разрешать их своим непосредственным влиянием. Одним словом, чтобы говорить официальным и общепонятным для всех языком, он никогда не был отдельным управляющим какой либо ветвью государственного устройства; но совещательный голос его был часто слышен и, вероятно, нередко уважен. Хотя безыменно, но не бесследно прошло участие его в разработке многих правительственных вопросов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.